БИРЖЕВЫЯ ВѢДОМОСТИ

УТРЕННІЙ ВЫПУСКЪ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ОБЩЕСТВЕННАЯ и ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

основана С. М. Проппером.

Подписныя цѣны:

Съ доставкою въ С.-Петербургѣ и съ пересылкою въ Россіи два раза въ день — УТРОМЪ и ВЕЧЕРОМЪ —		Съ доставкою въ С.-Петербургѣ и съ пересылкою въ Россіи одинъ разъ въ день — УТРЕННІЙ ВЫПУСКЪ —		Съ доставкою въ С.-Петербургѣ и съ пересылкою въ Россіи одинъ разъ въ день — ВЕЧЕРНІЙ ВЫПУСКЪ —	
на годъ	15 руб. — коп.	на годъ	10 руб. — коп.	на годъ	6 руб. — коп.
„ 6 мѣс.	7 „ 50 „	„ 6 мѣс.	5 „ — „	„ 6 мѣс.	3 „ — „
„ 3 „	3 „ 75 „	„ 3 „	2 „ 50 „	„ 3 „	1 „ 50 „
„ 1 „	1 „ 25 „	„ 1 „	— „ 85 „	„ 1 „	— „ 50 „

Перемѣна адреса 25 коп. ❖ Адресъ для телегр.: БиржВѣдомость.

Объявленія: Утренній выпускъ: [illegible] Вечерній выпускъ: [illegible]

РЕДАКЦІЯ и ГЛАВНАЯ КОНТОРА: С.-Петербургъ, Галерная ул., д. № 42.

НЕВСКОЕ ОТДѢЛЕНІЕ КОНТОРЫ: С.-Петербургъ, Невскій пр., № 59 (уголъ Садовой).

[illegible]

ОТДѢЛЕНІЕ КОНТОРЫ въ Москвѣ: Тверская ул., 57. тел. [illegible]

№ 14232. Среда, 2-го (15-го) іюля 1914 г. Годъ XXXIV изданія. Отдѣльные №№ въ СПБ. 3 коп., въ провинціи 4 коп.

ПАМЯТИ А. П. ЧЕХОВА.

(Къ 10-лѣтію со дня смерти).

Прошлымъ лѣтомъ я совершилъ изъ Швейцаріи паломничество на мѣсто кончины Антона Павловича. Маленькій климатическій курортъ теряется среди изумрудныхъ холмовъ южнаго Шварцвальда. Между двумя концентрическими кругами альпійскихъ отроговъ лежитъ, по выраженію Чехова, «спокойное, зеленое чудовище степи», столь рѣдкое въ Западной Европѣ, гдѣ подстриженъ и воздѣланъ каждый клочокъ земли. Въ сторонѣ отъ желѣзнодорожной магистрали скромный и безшумный Баденвейлеръ привлекаетъ только тѣхъ, кто намѣренно бѣжитъ отъ вавилонской сутолоки модныхъ «лѣчебныхъ» мѣстъ, отъ назойливой медицины и коварныхъ развлеченій. Чеховъ пріѣхалъ въ Баденвейлеръ только тогда, когда наступалъ уже неотвратимый эпилогъ его давняго изнурительнаго недуга. Всѣ жребіи были равны для приговореннаго поэта, всѣ чудотворные уголки зеленой природы были безсильны задержать трагическую развязку. Умственному и нравственному облику Чехова, однако, какъ нельзя болѣе отвѣчаетъ цѣломудренный, идиллическій характеръ милаго Баденвейлера. Антонъ Павловичъ терпѣть не могъ Крыма, къ которому его привязывала житейская необходимость. Онъ не любилъ прянаго пьянящаго воздуха русской Ривьеры и не уважалъ неискоренимыхъ тамошнихъ традицій обывательскаго эпикурейства. Баденвейлеръ свободенъ отъ тлетворныхъ бациллъ врачебнаго шарлатанства и паціентскаго легкомыслія. Минеральный источникъ въ Баденвейлерѣ, по своему химическому составу, безобиднѣе мытищенскаго водопровода, и мѣстные врачи говорятъ о немъ съ лукавой улыбкой невѣрующаго авгура. Здѣсь нѣтъ вишійскаго боя быковъ, баденъ-баденскаго тотализатора и кисловодскаго обязательнаго флирта. На карманъ иностранца здѣсь не покушаются культурные знахари во всеоружіи патентованныхъ средствъ.

Мы знаемъ, что Чеховъ медицину всегда уважалъ. Въ этомъ вопросѣ онъ рѣзко расходился съ Толстымъ, авторитетъ котораго ставилъ очень высоко во многомъ другомъ. Крайне характерна энергичная отповѣдь автору «Крейцеровой сонаты» въ напечатанныхъ письмахъ Чехова, немедленно заступившагося за товарищей по спеціальности. Медицинской подготовкѣ своей Чеховъ придавалъ громадное значеніе въ дѣлѣ выработки литературной наблюдательности и здороваго психологическаго реализма. Въ необозримой галлереѣ художественныхъ образовъ, призванныхъ къ жизни Чеховымъ, мы найдемъ и отрицательные типы врачей, какъ врачей. Среди хилыхъ пустоцвѣтовъ мертвящей обыденности далеко не всегда чеховскіе врачи бодрятъ и исцѣляютъ. Эпидемическій недугъ безволія и безмыслія заражаетъ и губитъ нерѣдко ихъ самихъ: Андрей Ефимовичъ въ палатѣ № 6 трагически платится за свою мнимофилософскую пассивность, Чебутыкинъ попросту забылъ медицину, какъ забылъ все молодое и свѣтлое въ своей жизни, Львовъ отталкиваетъ насъ своимъ наивнымъ нравственнымъ ханжествомъ. Іонычъ морально похороненъ своимъ авторомъ по первому разряду, жалкій герой «Интригъ» уничтоженъ чеховскимъ юморомъ, докторъ Сергѣй Борисовичъ —тесть изъ повѣсти «Три года» — показанъ въ своей неприглядной духовной наготѣ... Всѣ эти унылыя фигуры не дискредитируютъ въ глазахъ художника самой идеи. Недаромъ въ противовѣсъ имъ Чеховъ возсоздалъ съ такой любовью столько правдивыхъ образовъ врача дѣльнаго, чуткаго, безкорыстнаго.

Вспомнимъ Дымова, мужа «Попрыгуньи», земскаго лѣкаря, терпѣливо возившагося съ «бѣглецомъ» Пашкой, святого доктора въ «Разсказѣ старшаго садовника», тюремныхъ докторовъ Сахалина и многихъ другихъ. Сатирическое перо Чехова не карало практическую медицину и не обличало въ принципѣ латинскую кухню. Тѣмъ не менѣе, въ выборѣ мѣста для послѣдняго лѣтняго отдыха у Антона Павловича, быть можетъ, рѣшающую роль игралъ немедицинскій характеръ оригинальнаго Баденвелейра. Угасавшій врачъ-художникъ зналъ, что тамъ лѣченіе сведется къ минимуму, что тамъ не станутъ ему докучать терапевтическими обрядностями. Кстати сказать, нѣкотораго оптимистическаго самообольщенія не избѣжалъ на этотъ разъ и Чеховъ, до той поры трезво смотрѣвшій на свою непобѣдимую болѣзнь. За три недѣли до смерти онъ писалъ В. М. Соболевскому, что здоровье въ него «входитъ пудами»...

Хозяинъ лучшаго баденвейлерскаго отеля, по собственному его признанію, не подозрѣвалъ до 2-го (15-го) іюля, что докторъ Чекофъ berhümter russischer Sriftsteller, что его отель станетъ съ каждымъ годомъ привлекать все больше вниманія заѣзжихъ русскихъ. Гостиница «Sommer» миніатюрная и уютная. Два небольшихъ салона отдѣланы съ отчаянной претензіей на парадный стиль модернъ, но все же съ большимъ вкусомъ, чѣмъ германское посольство въ Петербургѣ. Угловой супружескій номеръ третьяго этажа, съ небольшимъ балкономъ, выходящимъ на красивый садикъ ваннаго заведенія, неизмѣнно отдается внаймы наравнѣ со всѣми другими. Внутренность его показываютъ изъ коридора только тогда, когда постояльцевъ нѣтъ дома. Смертный одръ Антона Павловича всегда къ услугамъ каждаго нанимателя. Никакихъ начатковъ чеховскаго музея тамъ не замѣчается. У нѣмцевъ комната, въ которой умеръ любимый писатель, на родинѣ или на чужбинѣ, перестала бы быть предметомъ купли-продажи и не служила бы болѣе обывательской квартирой. Европейцы сдѣлали бы непремѣнно такой номеръ гостиницы какъ бы экстерриторіальнымъ и превратили бы его въ нѣкоторую гражданскую часовню. Впрочемъ, у насъ и въ Астаповѣ чрезвычайная охрана не примѣнена до сихъ поръ тамъ, гдѣ она только и могла бы имѣть нравственное оправданіе. А многіе ли русскіе помнятъ о предсмертномъ пріютѣ Герцена въ Парижѣ, Глинки въ Берлинѣ, о комнатѣ Тургенева въ Буживалѣ? Такой сентиментальной памятливости мы, къ сожалѣнію, еще не успѣли у себя развить.

Сегодня минуло 10 лѣтъ съ того дня, какъ ушелъ Чеховъ за грань земного кругозора. Образовалась уже по отношенію къ нему историческая перспектива. Наступила пора для суда надъ его судьями. Литературная Немезида творитъ переоцѣнку всѣхъ цѣнностей и кассируетъ безпощадно самые смѣлые приговоры. Когда юный Чеховъ робко и неувѣренно вступалъ въ ряды мастеровъ беллетристическаго цеха, маститый критикъ А. М. Скабичевскій, въ концѣ «уничтожающаго» разбора его разсказовъ, убѣжденно напророчилъ, что такой писатель «умретъ подъ заборомъ». Точно по ироніи судьбы, на долю Чехова, умершаго въ почетѣ и достаткѣ и горячо оплаканнаго русскимъ обществомъ, выпала рѣдкая посмертная слава; его же дальновидный критикъ закончилъ свои безвѣстные дни, существуя на крохотную пенсію отъ Литературнаго фонда. Интересъ къ богатому литературному наслѣдію Чехова возрастаетъ статистически съ каждымъ годомъ. Пьесы его не сходятъ съ репертуара. Издаваемыя письма Антона Павловича читаются и перечитываются такъ бережно и такъ любовно, какъ будто съ ихъ сокращенныхъ интимныхъ страницъ вѣетъ нѣжный ароматъ его кристальной души.

Самая прочность общественныхъ симпатій къ Чехову, самая живучесть имъ созданныхъ настроеній говоритъ несомнѣнно о глубокомъ неразрывномъ сродствѣ чеховскаго генія съ психологической сердцевиной русской интеллигенціи. Причудливый зигзагъ общественной эволюціи точно вновь привелъ насъ къ тому, что было пережито ровно десять лѣтъ тому назадъ. Какъ будто вѣковое зло привычной лѣни и рабскаго безволія лишь переряжено въ новыя прозрачныя ризки. Если отдаться во власть того поверхностнаго пессимизма, отъ котораго Чеховъ предостерегалъ всей силою своей выстраданной нравственной вѣры, то покажется порою, что рѣшительно все осталось попрежнему.

Всѣ русскіе типы, осужденные художественнымъ приговоромъ Чехова, далеко не стали достояніемъ историческаго архива. Чеховская «княгиня» не только ѣздитъ по монастырямъ, но и ведетъ въ своемъ салонѣ искательную бесѣду съ вліятельнѣйшимъ «старцемъ». Камеръ-юнкеръ Георгій Ивановичъ Орловъ дослужился до гофмейстера, и съ выраженіемъ прежней ироніи на лицѣ хладнокровно подписываетъ разъясняющія бумаги; отецъ его возвращенъ изъ почетной отставки на дѣйствительную службу, и въ соотвѣтственныхъ случаяхъ являетъ передъ законодательными собраніями твердость власти. На мѣсто чеховскаго архіерея, похороненнаго, согласно предсмертному желанію, въ очередной братской могилѣ, рекомендованъ «старцемъ» суровый владыка, читающій въ сердцахъ. Въ символическомъ чеховскомъ «оврагѣ» разбогатѣвшіе обладатели хуторскихъ отрубовъ открыли союзническія чайныя. Пришибеевъ учитъ вмѣстѣ съ солдатомъ Егоромъ «потѣшныхъ» военному искусству, и педагоги «въ футлярѣ» гораздо лучше незадачнаго Бѣликова слѣдятъ за тѣмъ, чтобы никто не отзывался неуважительно о властяхъ. Боркинъ говоритъ октябристскія рѣчи съ парламентской трибуны и въ фракціонныхъ засѣданіяхъ родитъ геніальные проекты побѣдоносной борьбы съ оппозиціей, ничѣмъ не уступающіе его прежнимъ проектамъ ликвидаціи франко-германской войны при посредствѣ отравленныхъ собакъ. Петербургскіе скептики Пекарскій и Кукушкинъ непоколебимо убѣждены, что Россія такая же тусклая неинтересная страна, какъ Персія, что русскій народъ по собственной винѣ снился, облѣнился, изворовался и вырождается, что интеллигенція безнадежна и въ громадномъ большинствѣ состоитъ изъ людей неспособныхъ и никуда негодныхъ. Пекарскій и Кукушкинъ нажились теперь на биржѣ и состоятъ пайщиками крайне умѣренной газеты. Предсѣдатель земской управы Протопоповъ открылъ большой винокуренный заводъ, избранъ отъ правыхъ въ Государственный Совѣтъ и перевезъ съ собой въ Петербургъ Наталію Ивановну Прозорову. Профессоръ А. В. Серебряковъ сдѣланъ попечителемъ учебнаго округа и учитъ съ фарисейскимъ самодовольствомъ чудаковъ-радикаловъ настоящее дѣло дѣлать. Володя Маленькій написалъ диссертацію, въ тайны которой былъ посвященъ одинъ Володя Большой, получилъ по назначенію каѳедру исторіи всеобщей литературы и по временамъ приглашаетъ Софью Львовну въ отдѣльный кабинетъ. Вѣчный студентъ—бѣлоподкладочникъ Кишъ записался въ академисты, посѣщаетъ лекціи назначенныхъ профессоровъ и можно надѣяться, что, поэтому, сдастъ, наконецъ, благополучно выпускные экзамены. Панауровъ получилъ отличную синекуру по землеустройству и помнитъ попрежнему сладкіе труды и Вакха, и Киприды.

Исполнилось грустное предсказаніе Чехова, сдѣланное имъ устами Ярцева въ повѣсти «Три года». «Москва—это городъ, которому придется еще много страдать», и не видно пока тѣхъ нравственныхъ завоеваній, которыя могли бы быть добыты этой слишкомъ дорогой цѣной. Въ подавляющемъ цѣломъ чеховской художественной панорамы показано такъ много человѣческихъ мукъ, до сихъ поръ далеко не искупленныхъ. Безбрежный океанъ людской скорби, отразившійся въ его задушевной лирической стихіи, какъ и десять лѣтъ тому назадъ, покрывается лишь мертвой зыбью. Народнаго горя рѣченька бездонная струитъ въ него попрежнему свои неизбывные родники слезъ. При затянувшейся символической зимѣ голодно и холодно милліонамъ чеховскихъ «мужиковъ», покорно безотвѣтныхъ въ своемъ религіозномъ фанатизмѣ. «Печенѣги» рѣшаютъ въ деревняхъ женскій вопросъ, и безсердечные Матвѣи Саввичи читаютъ бабамъ-страдалицамъ благочестивыя наставленія. Забитая дѣтвора, которой и ѣсть хочется и спать хочется, хирѣетъ на городскихъ каторжныхъ работахъ. Тысячи чистыхъ дѣвушекъ, мечтательныхъ и хрупкихъ, посылаются смоленскими и другими бухгалтерами въ жертву ненасытному Минотавру публичнаго торга. Тысячи и тысячи рядовыхъ Гусевыхъ пропадаютъ безъ вѣсти въ прожорливой пасти роковой акулы. Тысячи ссыльныхъ и безправныхъ, отверженныхъ и забытыхъ, на безлюдной и мертвой окраинѣ смертельно тоскуютъ по родинѣ — болѣзной, но незабвенной Москвѣ...

То соотношеніе общественныхъ слоевъ, которое, какъ будто, аллегорически представлено «Палатой № 6-й, повидимому, еще не совсѣмъ отошло въ исторію. Попрежнему умудренный жизненнымъ опытомъ и богато начитанный представитель отцвѣтшаго поколѣнія Андрей Ефимовичъ призываетъ молодежь къ пассивному терпѣнію и миролюбивой постепенности.

Какъ и тогда въ безпросвѣтной тюрьмѣ Иванъ Димитріевичъ, имѣющій слишкомъ много объективныхъ основаній для неотвязныхъ кошмаровъ маніи преслѣдованія, проклинаетъ грубыхъ сторожей и бросаетъ рѣзкое досадливое слово врачу-резонеру. Въ свѣтлыхъ промежуткахъ бодраго сознанія больной-фантазеръ привѣтствуетъ реторически изъ-за рѣшетокъ зарю грядущей свободы. Его не понимаютъ, его не слушаютъ товарищи по символической темницѣ. Попрежнему лежитъ неподвижно и безмолвно мужикъ, давно равнодушный къ своему трагическому жребію. Попрежнему запуганный и задерганный единоплеменникъ Бейлиса, безвредный и услужливый, отводитъ наболѣвшую душу невинной игрой въ торговлю. Попрежнему неумолимый солдатъ-надсмотрщикъ Никита бьетъ обитателей палаты, охраняя общественное спокойствіе.

Чеховъ зналъ хорошо упрямую инерцію русской жизни и смотрѣлъ совершенно трезво на черепашій ритмъ нашего общественнаго преуспѣянія. Онъ зналъ хорошо, что «цвѣты повторяются каждую весну», а радости—нѣтъ, что часто русскій герой, поднявшій, подобно библейскому силачу, Газскія ворота, чтобы отнести ихъ на вершину горы, быстро изнемогаетъ, утрачиваетъ молодой задоръ и боевую рѣшимость. Онъ зналъ, какъ богатъ старинный запасъ тѣхъ изворотливыхъ софизмовъ, которыми пытаются оправдать себя лѣнивые увальни безсмертной обломовщины. Онъ показалъ въ незлобливомъ юмористическомъ шаржѣ, какъ русскій обыватель готовъ продать свое духовное первородство за... прозаическій крыжовникъ. Чеховъ зналъ насквозь русскаго мягкотѣлаго и некладливаго человѣка, провидѣлъ истинную цѣну его декламаціоннымъ порывамъ и рыцарству на часъ. Онъ зналъ и любилъ русскаго человѣка не въ праздничномъ нарядѣ, а въ будничныхъ лохмотьяхъ его слабоволія, невыдержанности и нравственнаго неряшества.

Чеховская муза всегда призывала милость къ падшимъ, требовала дѣятельнаго состраданія къ заблудшимъ и отчаявшимся. Достойный любимецъ-соратникъ Толстого, Чеховъ вмѣстѣ съ величайшимъ своимъ современникомъ продолжалъ эту святую пушкинскую традицію. Истинный поэтъ, какъ и подлинный пророкъ, всегда приходитъ призвать не праведниковъ, а грѣшниковъ къ покаянію, сказать бодрящее слово мытарямъ самобичующимъ, а не кичливымъ фарисеямъ.

Порою кажется даже, что Чеховъ пока намъ доступнѣе, роднѣе Толстого. Чеховъ не проводитъ огненной линіи между добромъ и зломъ, не провозглашаетъ безусловной нормы должнаго на всѣ времена и не становится на почву суроваго нравственнаго максимализма. Обладатель чудеснаго «человѣческаго» таланта—исключительнаго чутья къ сокровенному чужому страданію—Чеховъ терпѣливо и зорко читалъ въ сердцѣ тусклой посредственности людской ея горькую жизненную повѣсть. Своимъ художественнымъ приговоромъ онъ пригрѣлъ и защитилъ души скорбящія и озлобленныя. Необходимо вѣрить въ свѣтлый первообразъ человѣка. Въ «Разсказѣ старшаго садовника», въ прелестномъ наброскѣ «Письмо», въ цѣломъ рядѣ другихъ вдумчивыхъ страницъ ярко иллюстрирована Чеховымъ эта idea madre всего его художественнаго творчества. Возродить падшаго, воскресить мертваго духомъ можно по Чехову только бережнымъ состраданіемъ, только нелицемѣрнымъ уваженіемъ къ его человѣческому подлиннику, временно затемненному и искаженному.

Человѣческая душа въ глазахъ Чехова—нѣжный и чуткій музыкальный инструментъ. Самозванные опекуны общественной свободы уродуютъ и насилуютъ этотъ чуткій и ломкій живой инструментъ. Не какими-либо ухищреніями благодѣтельнаго государственнаго искусства, не мудрыми мѣропріятіями уголовной политики, не іезуитскими пріемами клерикальнаго перевоспитанія достигается, по убѣжденію Чехова, этотъ возвратъ человѣка къ своему нравственному подлиннику. Только непринужденными энергіями самозаконной воли можетъ и должно совершиться это возрожденіе хмураго и понураго существа.

Много разъ близорукая критика хотѣла представить Чехова закоренѣлымъ пессимистомъ, невѣрующимъ въ нравственную энергію человѣка. Много разъ необдуманно утверждали, что онъ, неисцѣлимо отравленный собственнымъ безвѣріемъ, лишь ставитъ точный художественный діагнозъ неизлѣчимаго общественнаго недуга. Это—совершенно невѣрно. Правдивый реалистъ, щепетильно избѣгавшій всѣхъ идеализирующихъ и подкрашивающихъ натяжекъ, Чеховъ нарисовалъ цѣлую фалангу побѣдителей жизни и духовно возрожденныхъ. Вспомнимъ, какъ «скрутилъ себя» рыхлый и фальшивый Лаевскій въ «Дуэли», какъ порвала сразу всѣ путы затхлыхъ семейныхъ традицій «Невѣста», какъ поборолъ себя чопорный и самолюбивый Павелъ Андреевичъ въ разсказѣ «Жена»...

Чеховъ любилъ своихъ неяркихъ героевъ, плывущихъ покорно по теченію, пока нравственная гроза не заставитъ ихъ послѣ цѣлебной душевной передряги измѣнить кореннымъ образомъ свою моральную тактику. Онъ вѣрилъ, что придетъ время, надвинется на всѣхъ насъ громада, пронесется здоровая сильная буря, которая смететъ съ нашего общества лѣнь, равнодушіе, предубѣжденіе къ труду, гнилую скуку... Онъ ждалъ этого живительнаго, нравственнаго вихря, этой стихійной обновляющей грозы для своей родины, для всероссійскаго вишневаго сада, казалось обрызганнаго алмазами предразсвѣтной росы....

Прошло десять лѣтъ. Могучая буря была и страшными содроганіями прошла по символическому вишневому саду. Его росинки были каплями слезъ, были каплями крови... Остался помертвѣлый буреломъ, остались желтые безжизненные листья, осталось много развѣянныхъ пурпуровыхъ лепестковъ. Но остались и живые побѣги, таящіе въ себѣ, быть можетъ, неподатливую и побѣдную энергію.

Въ любимомъ, кажется еще юношескомъ, разсказѣ Антона Павловича «Студентъ» есть такія чудесныя строки о драмѣ временнаго малодушія въ сердцѣ героя-апостола «Воображаю тихій-тихій, темный-темный садъ и въ тишинѣ его едва слышатся глухія рыданія»... Это плакалъ Петръ, отрекшійся отъ Христа, убоявшійся сначала вѣнца мученическаго.

Великій поэтъ, которому мы справляемъ сегодня десятилѣтнюю тризну, навѣрное услышалъ бы и теперь въ родномъ необъятномъ вишневомъ саду эти глухія рыданія и сказалъ бы съ грустною ласкою, что это—стыдъ спасительный, что это—раскаяніе цѣлебное, что героическая правда и свободная красота еще будутъ и въ русской жизни...

Проф. *Валентинъ Сперанскій.*